

Эрик
СИГАЛ

СЦЕНАРИЙ СЧАСТЬЯ

Эрик Сигал

Сценарий счастья

«ЭКСМО»

1997

Сигал Э.

Сценарий счастья / Э. Сигал — «Эксмо», 1997

Никогда еще жизнь не ставила Мэттью Хиллера перед таким трудным выбором. Блестящий врач, талантливый исследователь, он вернул к жизни многих своих пациентов, но бессилён помочь женщине, которая была любовью всей его жизни. Но Сильвия Далессандро безгранично верит, что Мэт сумеет ее спасти и они снова будут вместе. Еще одна история любви от Эрика Сигала, искренняя и трогательная.

© Сигал Э., 1997

© Эксмо, 1997

Содержание

Пролог	6
Часть I	9
1	9
2	15
3	19
4	22
5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Эрик Сигал

Сценарий счастья

Erich SEGAL
ONLY LOVE

Copyright © 1997 by Ploys, Inc.

© Издание на русском языке. Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

*Посвящаю Карен, Франческе и Миранде,
единственным, кого я люблю*

*«Лучшие годы нашей жизни проходят сначала в рассуждениях:
«Еще слишком рано», – а затем: «Уже поздно».*
Г. Флобер. Письма

Пролог

Вынужден сделать страшное признание.

Узнав о том, что Сильвия умирает, я не испытал большого отчаяния.

Знаю, это может звучать негуманно, особенно из уст врача. Но я просто не в состоянии думать о ней как о какой-то очередной пациентке. На самом деле, когда мне в первый раз сказали, что после стольких лет она хочет меня видеть, я чуть ли не вообразил, что это жест примирения.

Интересно, что у нее на уме? Может, для Сильвии наше воссоединение – не более чем последняя отчаянная попытка спасти свою жизнь? Или под занавес, в состоянии полной безысходности, она вдруг захотела меня увидеть? Так же сильно, как хочу ее видеть я?

А что тогда ее муж? Если даже предположить такую невероятную вещь, что до сих пор она не говорила ему о наших с ней давнишних отношениях, ей, несомненно, пришлось рассказать ему об этом сейчас.

Однако, что бы ее муж ни чувствовал по этому поводу, он не сможет воспрепятствовать нашей встрече. В конце концов, он из тех, кто привык получать все самое лучшее, а в этой области медицины мне, бесспорно, равных нет.

Сильвия на два года моложе меня, ей всего сорок три. И судя даже по недавним газетным снимкам, она, как и прежде, очень красива. Вся такая лучезарная, такая *живая*... Не может быть, чтобы она была так серьезно больна! Для меня она всегда была воплощением самой жизни.

В первом телефонном разговоре со мной Нико Ринальди – муж Сильвии – был вежлив и официален. Речь идет о его жене, но в голосе нет и намек на эмоции. Напротив, он абсолютно уверен, что я незамедлительно окажусь в его распоряжении.

– У миссис Ринальди опухоль мозга. Вы не могли бы ее посмотреть прямо сейчас?

Несмотря на все его высокомерие, я, однако, улавливаю косвенное признание того, что обладаю некими способностями, которых у него нет. В бизнесе он виртуоз, но с Ангелом Смерти даже ему не торговаться.

И это приносит мне удовлетворение.

Внезапно, будто вдогонку, он с едва заметным надломом в голосе добавляет:

– *Я вас прошу!*

Я обязан был помочь. Им обоим.

* * *

Через час история болезни и рентгеновские снимки уже лежали у меня на столе. Едва за секретаршей закрылась дверь, как я вскрыл конверт, наивно ожидая увидеть там что-то от самой Сильвии.

Но, конечно, там были только снимки ее мозга, сделанные на самой современной аппаратуре. Странно, но раньше мне казалось, что я знаю ее изнутри. Я забыл, что душа – не орган тела. А мозг – не вместилище души. И тут, как врач, я возмутился.

Даже на самых первых снимках было видно новообразование в мозгу. Кто ее консультировал? Я быстро пролистал историю болезни. Стандартно-стерильная медицинская терминология. Больная, белая замужняя женщина в возрасте сорока одного года, обратилась к профессору Луке Винджиано с жалобой на сильные головные боли. Он отнес их на счет эмоционального стресса и прописал новейшие транквилизаторы.

Затем, в нарушение принципа врачебной объективности, профессор позволил себе небольшое наблюдение личного характера. Судя по всему, отметил он, в жизни Сильвии имеется некий источник психологического напряжения. Должно быть, из некоего злорадства я поспешил приписать это ее браку.

Ведь она хоть и появлялась регулярно на фотографиях в обществе мужа (в качестве неотъемлемого украшения), но будто намеренно отводила себе весьма скромную роль – где-то на самой обочине его насыщенной событиями жизни. Нико же, напротив, был куда более публичной персоной. Его мультинациональный гигант, Миланский автомобильный завод (по-итальянски сокращенно – «ФАМА»), являлся не только крупнейшим в Италии производителем автомобилей, но и включал строительное и металлургическое производства, а также страховой и издательский бизнес.

Периодически в прессе появлялись сплетни о его связях с той или иной молодой талантливой особой. Конечно, все изобличающие его фотографии были сделаны на каких-то благотворительных мероприятиях, так что нельзя исключать, что это были не более чем пошлые репортерские домыслы. Но ведь сильные мира сего всегда в центре сплетен. Я в своей области достиг достаточных высот, чтобы знать это не понаслышке.

Правда или нет, но само по себе это предположение было сродни спичке, поднесенной к сухому хворосту моих эмоций. Я решил довериться журналистским инсинуациям и приписал отмеченное ее врачом внутреннее беспокойство интрижкам супруга на стороне.

Я силой заставил себя читать дальше.

Винджиано слишком долго не принимал болезнь Сильвии всерьез, и время было упущено самым преступным образом. Наконец он направил ее в Лондон на консультацию к невропатологу, снабдив письмом, которое начиналось с обращения «сэр» и перечисления всемирно признанных заслуг последнего.

Англичанин обнаружил опухоль, но счел ее уже неоперабельной. И действительно, на этой стадии уже и самый искусный хирург, вооруженный новейшим микрохирургическим инструментом, не мог бы удалить новообразование, не повредив жизненно важных центров. А скорее всего – не убив Сильвию на операционном столе.

И вот я стал для нее последней надеждой. Чувство, признаться, было довольно неловкое. Не спорю, к тому времени разработанный мною метод генно-инженерной терапии в нескольких случаях приводил к уменьшению опухоли. Метод заключался в расшифровке природы генных нарушений на уровне ДНК, коррекции дефектного гена и последующем обратном введении «исправленных» клеток больному.

Тут, впервые в жизни, я начал понимать, почему врачам не рекомендуется лечить своих близких. Иметь дело с кем-то, кто тебе дорог, означает с особой силой сознавать свое несовершенство.

Я не хотел видеть Сильвию в роли своей пациентки.

Не прошло и пятнадцати минут после того как принесли бумаги, как зазвонил телефон.

– Итак, доктор Хиллер, ваше мнение?

– Прошу прощения, но я еще не успел прочесть всю историю болезни.

– А разве ее последних снимков недостаточно, чтобы составить представление?

Он, конечно, был прав. Интересно, он что, хочет, чтобы я не слишком вдавался в подробности ее истории болезни? Может, он боится, что я стану винить его за длительное бездействие? Хотя в каком-то смысле так и было.

– Мистер Ринальди, боюсь, я разделяю мнение вашего лондонского врача. Такого рода опухоли неизлечимы.

– Но ведь ваш метод особенный! – настойчиво возразил он. И сказал то, чего я, кажется, подспудно ждал: – Вы не могли бы ее сегодня же посмотреть?

Я машинально взглянул на настольный календарь. День был расписан под завязку, а в половине пятого у меня был семинар. Зачем было сверяться с календарем, если я заранее знал, что не могу исполнить его просьбу? Если честно, перспектива такой скорой встречи меня даже обрадовала. Значит, не придется провести бессонную ночь в ее ожидании.

– В два часа вам удобно? – предложил я.

Но я, оказывается, недооценил Нико. Следовало бы догадаться, что он не удовольствуется предложенным, а станет торговаться.

– Вообще-то от нашей квартиры до вас всего несколько минут. Мы можем подъехать прямо сейчас.

– Хорошо, – со вздохом уступил я. Надо с этим поскорее закончить.

Через считанные минуты позвонила секретарша и доложила о прибытии мистера и миссис Ринальди.

Сердце у меня часто забилося. Через несколько секунд дверь распахнется – и в кабинет хлынет лавина воспоминаний. И до той минуты, когда я ее увижу, я не смогу дышать.

Первым я увидел его: высокий, импозантный, напряженный. Покатый лоб. Он бросил мрачный кивок в мою сторону и представил жену – как будто мы уже и так не были знакомы!

Я пригляделся к Сильвии. В первый момент мне показалось, что время никак не изменило ее лица. Глаза пылали все тем же черным огнем, хотя она нарочито избегала моего взгляда. Распознать, что у нее на душе, я не мог, но мало-помалу стал замечать какую-то перемену в ее облике.

Возможно, то был всего лишь плод моего воображения, но в ее лице мне почудилась усталость и непонятная печаль, не связанные с болезнью. Наверное, это было выражение человека, живущего не самой счастливой жизнью.

Я неуклюже шагнул вперед и протянул руку ее мужу. А Сильвии тихо сказал:

– Рад тебя снова видеть.

Часть I

Весна 1978 года

1

Местом встречи был Париж. Те из нас, кто выдержит третью степень устрашения и последующую суровую подготовку, будут вознаграждены командировкой в Африку, чтобы с риском для собственной жизни спасать других людей. Если получится. Для меня это была первая поездка на восток от Чикаго.

Самолет прилетал на рассвете. В десяти тысячах футов под крылом оживал великий город – как чувственная красавица в ранних лучах солнца стряхивает с себя ночную негу.

Через час, получив багаж, я уже ехал на метро в самый центр Сен-Жермен де Пре. Район оглашали звуки оживленного утреннего движения – я бы назвал их «музыкой асфальта».

Я нервно взглянул на часы. Оставалось всего пятнадцать минут. В последний раз сверившись с картой города, я как безумный помчался бегом в штаб-квартиру организации «Медсин Интернациональ». Это оказалась склеротичная архитектурная древность на улице Сен-Пэр.

Я прибежал весь взмыленный, но все-таки успел.

– Присаживайтесь, доктор Хиллер.

Франсуа Пелетье, ехидный Великий Инквизитор, сильно напоминал Дон Кихота. Вплоть до клочковатой бородки. Единственное отличие заключалось в сорочке, которая у него была растегнута чуть не до пупка. А еще в сигарете, которую он небрежно держал в костлявых пальцах.

Как и подобает, с ним был лысеющий Санчо Панса, с маниакальным упорством записывающий что-то в блокнот, а также пышногрудая голландка тридцати с небольшим лет. Дульсинея?

С первого момента собеседования стало ясно, что Франсуа имеет предубеждение против американцев. Он взваливал на них вину за все недуги современного человечества – от радиоактивных отходов до повышенного холестерина.

Француз с самым недружелюбным видом обрушил на меня град вопросов, на которые я поначалу отвечал как вежливый человек и профессионал. Но когда стало ясно, что конца этому не будет, я стал язвительно огрызаться, мысленно гадая, когда ближайший рейс на Чикаго.

Прошел целый час, а господин Пелетье все продолжал выпытывать у меня микроскопические детали моей биографии. Например, его интересовало, почему во время войны во Вьетнаме я не сжег свою повестку.

В ответ я спросил, сжег ли он *свою*, когда французы воевали там до нас.

Он быстро сменил тему, и мы продолжили нашу пикировку.

– Скажите, доктор Хиллер, вы знаете, где находится Эфиопия?

– Вы подвергаете сомнению мою эрудицию, доктор Пелетье?

– А если я вам скажу, что трое других американцев, с которыми я проводил собеседование, полагали, что эта страна расположена в Южной Америке?

– Я отвечу, что вам попались кретины. И не нужно было тратить на них время.

– Согласен с обоими утверждениями.

Он вскочил и зашагал по комнате. Потом так же резко остановился, развернулся и выпалил:

– Представьте на минуту, что вы находитесь в убогом полевом госпитале, в джунглях Африки, за многие мили от любого из тех мест, которые у вас ассоциируются с цивилизацией. Как бы вы в такой ситуации сохранили ясность рассудка?

– При помощи Баха, – не моргнув глазом ответил я.

– Что, что?

– Иоганна Себастьяна. Или любого из его родственников. Я всегда начинаю день с пятидесяти отжиманий, пятидесяти приседаний и двух-трех бодрящих прелюдий и фуг.

– Ах да! Из вашего досье мне известно, что вы неплохо музицируете. К несчастью, в списке оборудования для наших госпиталей рояли не числятся.

– Это не страшно. Я с таким же успехом умею играть мысленно. У меня есть портативная клавиатура, я могу взять ее с собой. От нее никакого шума, зато она позволит мне сохранить гибкость пальцев и душевный покой.

Впервые за все утро мне, кажется, удалось произвести короткое замыкание в этой сети антагонизма. Какой камень он теперь в меня зашвырнет? Я был весь начеку.

– Ну что ж, – вслух рассуждал Пелетье, оглядывая меня с головы до ног, – пока что вы держались молодцом.

– Вас это как будто огорчает?

Франсуа уставился на меня в упор и с сомнением произнес:

– А как насчет антисанитарии? Голода? Страшных болезней?

– Я год проработал в приемном отделении. Думаю, меня уже не удивить никакими медицинскими ужасами.

– А проказа? Оспа?

– Должен признаться, в Мичигане я ни одного такого случая не встречал. Вы что, задались целью меня отговорить?

– В каком-то смысле, – признался он, заговорщицки нагнувшись и выпустив мне в лицо отвратительное облако дыма. – Потому что если вы в конечном счете сломаетесь, то лучше сделать это здесь, чем в Африке.

Вдруг подала голос голландка:

– Объясните, почему вы решили ехать в страны «третьего мира», вместо того чтобы посещать больных на дому где-нибудь на Парк-авеню?

– А желание помогать людям вы в счет не берете?

– Ну, это очень банальный ответ, – заявил Санчо Панса, предварительно законспектировав мои слова. – Может, придумаете что-нибудь пооригинальнее?

Я начал терять терпение. И самообладание.

– Сказать по правде, вы меня разочаровали. Я думал, что в «Медсин Интернасьональ» работают сплошные альтруисты, а не такие прожженные циники и зануды.

Троица обменялась взглядами, после чего Франсуа Пелетье опять повернулся ко мне и в лоб спросил:

– А как насчет секса?

– Ну, Франсуа, не здесь же... Не при всех, – огрызнулся я. Мне уже было все равно, что они решат.

Его клеветы расхохотались. И сам Франсуа тоже.

– Ну вот, Мэтью, вы ответили и на другой крайне важный для меня вопрос. С чувством юмора у вас все в порядке. – Он протянул руку. – Добро пожаловать в команду.

К этому моменту я уже и сам не был уверен, что хочу быть в этой команде. Но, вспомнив, в какую даль мне пришлось лететь и через какое унижение пройти, я решил принять предложение. По крайней мере, не отвергать его с порога. Утро вечера мудренее.

Трехнедельная подготовка к поездке в Эритрею должна была начаться через день. Так что у меня было сорок восемь часов, чтобы насладиться красотами Парижа.

Я въехал в ночлежку на Левом берегу, снятую организаторами для кандидатов на поездку, и сразу решил, что она не лишена колорита. Это был клоповник, из тех, где каждая комната представляет собой воплощенное убожество (в том, что обстановка одинаково обшарпана во всех номерах, у меня сомнений не было), а каждая кровать издает страшный скрип. У меня мелькнула мысль, что Франсуа нарочно решил закалить нас перед грядущими испытаниями.

Мой брат Чаз говорил мне, что в Париже, даже если постараться, не найти плохой еды, и оказался совершенно прав. Я питался в заведении под названием «Ле Пти Зэнк», где на первом этаже надо было выбрать себе экземпляр из всевозможных экзотических ракообразных, а потом тебе его подавали наверх. Если бы у меня хватило смелости поинтересоваться названием тварей, которых я поедал, я, вероятно, не получил бы от них такого удовольствия.

Следующие два дня оказались настоящим шоком для моего организма. Задаться целью осмотреть художественные сокровища Парижа за такое короткое время – все равно что попробовать одним махом заглотить слона. Но я приложил к тому максимум усилий. С рассвета до поздних сумерек я каждой порой вбирал в себя этот волшебный город.

После того как меня выставили из Лувра, с тем чтобы сразу запретить музей на ночь, я наскоро перекусил в каком-то быстро по соседству и пешком побрел по бульвару Сен-Мишель, пока не оттоптал ноги настолько, что был не в силах больше куда-нибудь двигаться, как только вернуться в компанию тараканов в своей комнате.

Стоило мне присесть – кажется, впервые за весь день, – и я окончательно сломался перед разницей во времени, преследовавшей меня с самого прибытия.

Не разуваясь, я рухнул на кровать и моментально погрузился в постпарижскую кому.

Естественно, я в точности помню эту дату: 3 апреля 1978 года. Начался этот день, впрочем, как все другие: я побрился и принял душ, выбрал свою самую крутую рубашку (голубой батник с коротким рукавом), после чего направился на улицу де Сен-Пэр, где меня ожидал первый день подготовки к операции «Эритрея».

Ко мне уже вернулась уверенность в себе, я снова знал, чего хочу, и был готов ко всему. Только не к ожидавшей меня засаде эмоционального свойства.

Большинство моих товарищей уже были в сборе и непринужденно общались за чашкой кофе. Франсуа Пелетье, делая короткие перерывы между затяжками, познакомил меня с четырьмя кандидатами-французами (одна из которых была очень симпатичная девушка), двумя голландцами (у одного на голове была большая шляпа, ему предстояло проводить основную часть анестезии – только не спрашивайте меня, какая тут связь).

И с Сильвией.

У меня перехватило дыхание. Это была поэма без слов.

Все в этой девушке было прелестно. Сильвию можно было назвать антиподом Медузы: та была столь страшна на вид, что одним взглядом обращала все живое в камень – тут от одного взгляда ты превращался в желе.

Девушка была в джинсах, тонком свитере и без всякой косметики. Длинные черные волосы собраны сзади в конский хвост. Но этой простотой вряд ли можно было кого-то обмануть.

– Не делай поспешных выводов из ее внешности, – предостерег Франсуа. – Сильвия – искусный диагност, поэтому я взял ее, невзирая даже на то, что дед у нее был фашист, а отец всеми силами способствует распространению рака легких.

– Добрый день, – выдавил я, хватая ртом воздух. – Грехи ее деда я еще могу понять, но в чем заключается канцерогенность ее отца?

– Все очень просто, – усмехнулся Франсуа. – Его фамилия – Далессандро.

– Владелец «ФАМА»? Итальянского автомобильного концерна?

– Вот именно. Главный загрязнитель шоссе и прочих дорог. Не говоря уже о вредных отходах их производства... – Франсуа произносил это с каким-то извращенным восторгом.

Я взглянул на девушку и спросил:

– Он меня опять разыгрывает?

– Нет, все правильно. Обвинение обоснованно, – призналась она. – Прошу обратить внимание, что наш апостол Лука забыл упомянуть, что мой экологически грешный отец в войну воевал на стороне американцев. А вы сами откуда, Мэтью?

– По случайному совпадению, из еще одной столицы автомобилестроения – Диборна, штат Мичиган. Только моя фамилия не Форд.

Франсуа, показывая на меня пальцем, шутливо предостерег:

– Между прочим, Сильвия, с этим типом надо держать ухо востро. Это он только притворяется таким простачком с крестьянской фермы. А на самом деле он профессиональный пианист и владеет итальянским.

– Правда? – Она взглянула на меня с уважением.

– Ну, до вашего английского мне очень далеко. Но когда вы всерьез занимаетесь музыкой, итальянский вам просто необходим.

– Un amante dell'opera? Вы любите оперу? – живо спросила она.

– Да. А вы?

– Безумно! Если вы родились в Милане, то неизбежно будете сходить с ума по двум вещам – футболу и опере. La scalciata и La Scala.

– И la scallopina¹, – добавил я, гордый своей эрудицией.

В этот момент Франсуа прорычал:

– А теперь все займите свои места и закройте рот! Коктейль будет позже.

Разговор моментально стих, и мысли присутствующих сосредоточились на медицине. Все расположились как кому удобнее. Сильвия и еще двое сели прямо на пол, по-турецки.

– Позвольте вас сразу предостеречь, – с места в карьер начал Франсуа. – Если кто-то еще не успел возненавидеть меня всей душой, то это наверняка произойдет к концу первой недели нашей работы в поле. Там будет очень жарко и опасно. И все время на нервах. В таких условиях вам еще бывать не приходилось. Эфиопия и до гражданской войны входила в число беднейших стран мира, с годовым доходом девяносто долларов на душу населения. Народ там живет в условиях постоянного голода, усиливаемого нескончаемой засухой. Это подлинный кошмар.

Он перевел дух и сказал:

– А теперь, как и подобает, начнем с чумы.

Проект номер 62 организации «Медсин Интернасьональ» был запущен.

Судя по всему, в том, что касается женщин, я испытываю комплекс киноперсонажа Гручо Маркса, которому открывают двери там, куда он вовсе и не рвется. Стоит какой-нибудь особе противоположного пола проявить ко мне маломальский интерес, как я пускаюсь в бегство. Так случилось и в Париже в то утро.

Но, конечно, не с Сильвией, а с Дениз Лагард.

Это была бойкая остроумная докторша из Гренобля с впечатляющим «балконом» – как живописно выражаются французы. (Поразительно, как быстро набираешься полезных словечек!) В любой другой ситуации она показалась бы мне исключительно аппетитной.

¹ Эскалоп (ит.).

Ужинать мы все отправились в какой-то ресторан, где подавали – хотите верьте, хотите нет – более двухсот сортов сыра. В обычных обстоятельствах я бы сейчас пребывал в гастрономическом раю. Но в тот вечер мои вкусовые рецепторы, как и все прочие органы чувств, совершенно одеревенели. Слишком сильным оказалось первое впечатление, произведенное на меня Сильвией.

Дениз ухитрилась сесть рядом со мной и, не смущаясь, двинулась в атаку. Через три часа, попивая кофе, она с беззастенчивой откровенностью объявила:

– Мэтью, я нахожу тебя крайне привлекательным.

Я отреагировал ответным комплиментом, надеясь, что это не заведет меня туда, куда, несомненно, должно было завести.

– Хочешь, я покажу тебе Париж?

К несчастью, ответил я неудачно:

– Спасибо, я его уже видел.

Она все поняла, и у меня появился первый враг.

Сильвия никогда не бывала одна. Подобно персонажу известной сказки, она всюду появлялась в сопровождении вереницы поклонников и прихлебателей обоего пола.

И я быстро понял, насколько плотно ее опекают. В самом зловещем смысле.

В ту пятницу я пришел на лекцию рано. Взглянув от нечего делать в окно, я заметил Сильвию, она грациозно прошагала по тротуару и вошла в здание. Любуясь ею, я вдруг заметил, что в дополнение к обычной свите метрах в ста сзади за ней следует огромный, похожий на шкаф тип средних лет. У меня появилось пугающее ощущение, что он ведет за ней слежку. Конечно, это мог быть и плод моего воображения, поэтому сразу я ей ничего не сказал.

Получасовой перерыв на обед мы (согласен, не слишком по-французски) проводили тут же, поглощая свои сэндвичи-багеты. Сильвия вышла на улицу, чтобы купить газету. За несколько минут до начала следующей лекции я увидел, как она возвращается. В десятке метров от нее торчал тот же дядька, напряженно следивший за ней взглядом.

Теперь я точно знал, что ничего не придумываю, и решил ее предостеречь.

После занятий, когда мы дружной стайкой вернулись в свой «Термит-Хилтон», как мы окрестили ночлежку, я бесстрашно спросил у Сильвии, не откажется ли она пропустить со мной по стаканчику и переговорить по одному конфиденциальному вопросу.

Она ответила дружелюбным согласием, и мы отправились в небольшой винный погребок по соседству.

– Итак? – улыбнулась она, глядя, как я втискиваюсь в тесную кабинку с бокалом белого вина в каждой руке. – В чем дело?

– Сильвия, я не сомневаюсь, что у тебя этот вечер уже распланирован. Поэтому буду краток. Не хочу тебя расстраивать... – Я колебался. – Но мне кажется, за тобой кто-то следит.

– Я знаю. – Она нисколько не удивилась.

– Знаешь?

– За мной всегда следят. Отец боится, как бы со мной чего не случилось.

– Иными словами, этот тип – твой телохранитель?

– В некотором роде. Но я предпочитаю думать о Нино как о моем добром волшебнике. Ты не думай, папа у меня не сумасшедший. Мне горько это говорить, но причины у него достаточно веские... – Голос у нее дрогнул.

О господи! Я, кажется, наступил на большую мозоль. Я вдруг вспомнил, что ее мать много лет назад была похищена и убита. Я сам читал в газетах. Пресса кричала об этом по обе стороны океана.

– Ах ты, – смущенно пробурчал я. – Прости, что спросил. Мы можем вернуться к остальным.

– А куда нам спешить? Допьем лучше свое вино и немного посплетничаем. Ты следишь за чемпионатом НБА?

– Не очень внимательно. Ты же знаешь, ординатор каждую свободную минуту использует, чтобы поспать. А почему ты спросила?

– Понимаешь, «ФАМА» содержит собственную профессиональную команду в Европейской лиге. Каждый год мы вербуем игроков, вылетевших из НБА. Я думала, может, ты приметил одного игрока из «Детройт-Пистонс», в последнее время он немного сбавил, но, кажется, еще в состоянии пару сезонов продержаться в лиге пониже.

– Знаешь что? Я проконсультируюсь у специалиста. Когда стану писать своему брату Чазу, спрошу его. Он на спорте просто помешан.

– Вот чего мне будет не хватать в Африке! Всякий раз, как наши ребята играли в Англии, отец прилетал и брал меня на игру.

– А между матчами ты в Англии чем занималась?

– После смерти матери я там училась без малого десять лет. И медицинский диплом получила в Кембридже.

– Ага, вот откуда у тебя это потрясающее произношение. А какая у тебя врачебная специальность?

– Пока не решила. Но думаю, что-нибудь вроде детской хирургии. Это будет зависеть от того, какие у меня руки – что я и намерена выяснить. А ты?

– Ну, поначалу меня тоже манил скальпель. Но я совершенно уверен, что через несколько лет этот инструмент отойдет в прошлое и все будет делаться посредством генных технологий. Именно этим я и хотел бы в конце концов заняться. Так что после Африки пойду изучать что-нибудь вроде микробиологии. А пока я весь в предвкушении нашей поездки. А ты?

– Вообще-то, только это между нами, я иногда сомневаюсь, что у меня получится.

– Не волнуйся. Если учесть, сколько факторов было против тебя, я уверен, что Франсуа не стал бы тебя брать, если бы не считал, что ты справишься.

– Надеюсь, – едва слышно сказала она. В голосе все еще слышалась неуверенность.

И я вдруг почувствовал, что под этой безупречной внешностью кроется сомневающаяся натура. Было приятно знать, что ничто человеческое ей не чуждо.

На выходе из бистро я заметил Нино, торчащего возле парковки. Он делал вид, что читает газету.

– А кстати, Сильвия, он и в Эритрею с тобой полетит?

– Нет, слава богу. Вообще-то мне впервые придется по-настоящему позаботиться о себе самой.

– Что ж, если тебя это утешит, можешь сообщить своему отцу, что я стану тебя оберегать.

По ее лицу было видно, что она благодарна мне за эти слова. Сильвия улыбнулась мне, и моментально все мои усилия не влюбиться пошли прахом.

2

Подходила к концу вторая неделя наших занятий. Я узнал, что в Парижской опере дают спектакль, который бывает только раз в жизни. Легендарная Мария Каллас будет в последний раз петь Виолетту в «Травиате». Я твердо решил не упустить свой шанс. Это, конечно, было ребячество, но я сослался на недомогание и отпросился с семинара, чтобы отстоять очередь за входными билетами.

Надо ли говорить, что таких желающих послушать Каллас в Париже и окрестностях было хоть отбавляй. Передо мной оказалось столько народу, что их с лихвой хватило бы, чтобы заполнить театр до отказа. Однако я напомнил себе, что всегда вел жизнь праведника и если моя добродетель заслуживает хоть какого-то вознаграждения, то почему бы этому не случиться теперь.

Мои безмолвные мольбы были услышаны. Около половины седьмого, когда очередь продвинулась на каких-то двадцать шагов и дела казались безнадежными, меня окликнул женский голос:

– Мэтью, ты ведь, кажется, себя плохо чувствовал?

Взят с поличным! Овернувшись, я увидел, что со мной говорит не кто иной, как сама Первая Красавица.

Сильвия изменила своей обычной строгой прическе и распустила волосы. Волосы каскадом падали ей на плечи. На ней было простое черное платье, открывавшее куда большую часть ее ножек, нежели неизменные джинсы. Короче говоря, она была ослепительна.

– Со мной полный порядок, – объяснил я. – Не мог же я пропустить Каллас! Но в любом случае я наказан за прогул: не похоже, чтобы я попал на спектакль.

– Тогда идем со мной. Фирма моего отца держит здесь ложу, а сегодня я в одиночестве.

– Вот было бы здорово! Но ты уверена, что я одет подобающим образом? На твоём фоне... – Я показал на свою потрепанную джинсовую рубашку и вельветовые штаны.

– Мэтью, тебе же не на сцену выходить! Тебя никто, кроме меня, не увидит. Идем, а то увертюру пропустим!

Она взяла меня за руку и повела через толпу возбужденных соперников, не доставших билета, и дальше, по знаменитой мраморной лестнице. У меня захватило дух от сводчатого фойе, выполненного в красном, голубом, белом и зеленоватом камне, похожем на мрамор.

Мои опасения подтвердились: во всем театре я оказался единственным мужчиной без смокинга или фрака. Но я утешил себя тем, что невидим. То есть – кто бы стал смотреть на меня, когда рядом находилась Венера Миланская?

Служитель в униформе провел нас по опустевшему коридору к входу в ложу, обитую алым бархатом. Мы смотрели сверху на переполненный зал, на высоченный свод авансцены. В центре зала с окаймленного позолотой потолка, расписанного самим Шагалом, свисала на цепях легендарная театральная люстра. Сюжетами росписи служили сцены самых знаменитых оперных и балетных спектаклей с явным преобладанием влюбленных пар.

Где-то внизу оркестранты настраивали инструменты, и я ощутил себя поистине на небесах. Мы заняли два передних кресла, в ложе для нас была приготовлена небольшая бутылка шампанского. Я вспомнил навыки, приобретенные за годы работы официантом, и наполнил наши бокалы, не пролив ни капли. После чего провозгласил подобающий моменту тост.

– За тех, кому я обязан этим спектаклем! – начал я. – За Миланский автомобильный завод и ближайших родственников его руководства.

Она рассмеялась, оценив шутку.

Свет начал гаснуть. В ложу вошел медведь Нино (тоже в смокинге!) и скромно устроился сзади. Выражение лица у него было, как всегда, лишено эмоций, и я все гадал, с удовольствием он сюда пришел или нет.

– Ты хорошо знаешь «Травиату»? – спросила Сильвия.

– Так себе, – скромно ответил я по-итальянски. – В колледже по «Даме с камелиями» писал диплом. А вчера после занятий оживил в памяти кое-какие фрагменты. Почти час играл!

– Ого! А где же ты пианино нашел?

– Я отправился в «Ла Вуа де Сон Мэтр» и сделал вид, что собираюсь у них что-нибудь купить, а сам незаметно пристроился к «Стейнвею». К счастью, они меня не выставили.

– Жаль, что я не слышала. Почему ты меня не позвал?

– Да я и сам не знал... Но мы с тобой можем пойти туда завтра, если захочешь. Менеджер магазина меня приглашал в любое время.

– Мэтью, считай, что ты мне пообещал! – Она подняла бокал, словно заранее выражая свою благодарность. Даже в темноте зала ее улыбка сверкала жемчугом.

Вступительный хор – «Высоко поднимем мы кубки веселья...» – вполне соответствовал моему настроению. Я был заворочен присутствием легендарной Каллас на сцене, но тем не менее регулярно украдкой бросал взоры на Сильвию, наслаждаясь ее идеальным профилем.

Прошло полчаса от первых аккордов. Теперь на сцене стояла героиня, начиналась ее ария «Как странно, как странно...». «Ужели это сердце любовь узнало?» – пела Виолетта, имея в виду, что, невзирая на ее многочисленные любовные похождения, Альфред был ее первой настоящей любовью.

Каллас была в ударе и всей своей уникальной силой перевоплощения передавала страсть героини. Сильвия на мгновение повернулась ко мне, желая разделить охвативший ее восторг, а я подумал, было ли у нее в жизни подобное чувство. И если да – то к кому.

Первый акт подошел к концу, и под гром аплодисментов опустился занавес. В ложе появился еще один лакей с новой бутылкой шампанского и с канapé на подносе. Будучи в гостях, я счел необходимым внести свою лепту, хотя бы интеллектуальную. И сделал довольно нудное замечание:

– Ты обратила внимание, что на протяжении всего акта в музыке не было ни единой паузы? Ни одного речитатива – ни даже арии вплоть до самой «Как странно...».

– Да? А я даже не заметила...

– В том-то и фокус! Верди был дьявольски хитроумен.

– Как и мой сегодняшний спутник.

Свет снова погас, и на сцене начала разворачиваться трагедия.

Через несколько минут, под громоподобный рев духовых Виолетта поняла, что обречена: «Ах, гибну, как роза, от бури дыханья...» И наконец Каллас упала без чувств, чтобы ожить лишь на мгновение, взять невероятно высокое си-бемоль – и умереть от этого финального усилия.

Публика была так захвачена происходящим, что боялась разрушить чары высокого искусства. Постепенно разрозненные всплески аплодисментов слились в гром восторженных рукоплесканий, а я вдруг ощутил в своей ладони руку Сильвии. Я посмотрел на нее. Она была в слезах.

– Прости меня, Мэтью. Это так глупо...

Момент был трогательный, а извинения – излишними. У меня самого глаза были на мокром месте.

Я накрыл ее другую руку своей ладонью. Сильвия не двигалась, и в такой позе мы оставались вплоть до финала.

Я сосчитал: оперная дива четырнадцать раз выходила на поклон. Обожатели приветствовали ее стоя. Я хлопал без устали из эгоистических побуждений: пока в Каллас летели букеты, я оставался с Сильвией наедине.

Мы наконец вышли из театра и сразу же увидели деликатно поджидавшего нас Нино.

Сильвия взяла меня под руку и предложила:

– Может, пройдемся?

– Охотно.

Она сделала едва заметный знак своему телохранителю, и мы отправились на ночную прогулку по Парижу. По пути нам попадались рестораны, заполненные театрами, которые поднимали свои «кубки веселья» и «жадно лънули к ним устами». Мы делились впечатлениями от артистизма Каллас.

– Понимаешь, дело ведь не только в голосе, – говорила Сильвия. – Она так перевоплощается в своих героинь, что их образы становятся совершенно реальными.

– Да. И особенно если учесть, что первая исполнительница у Верди весила почти сто двадцать килограммов. Seriously! В сцене гибели Виолетты публика рыдала. От смеха! А Каллас в свои годы выглядит как стройная молодая женщина, а не какая-нибудь рекордсменка по борьбе сумо.

Сильвия отреагировала мелодичным смехом.

Пройдя всю улицу Сент-Оноре, я предложил поймать такси – или, на худой конец, сделать знак Нино, который покорно следовал за нами в «Пежо» со скоростью около двух миль в час (не в машине «ФАМА», отметил я). Но Сильвия, полная энергии, настояла, чтобы мы и остаток пути проделали пешком.

Перед тем как перейти через Сену по мосту Нёф, мы присели на скамейку, чтобы перевести дух. Отсюда город являл собой целую Галактику, разбегающуюся в бесконечность.

Мы были совершенно одни, и я гадал, поделиться ли с ней своими спутанными мыслями и переживаниями. Достаточно ли хорошо мы друг друга знаем? В этом я еще не был уверен. Однако решил рискнуть.

– Сильвия, ты всегда так плачешь, когда слушаешь «Травиату»?

Она кивнула.

– Мы, итальянцы, sentimentalный народ...

– Американцы тоже. Но знаешь, я заметил, что происходящее на сцене находит у меня отклик потому, что имеет параллели в моей собственной жизни. Театр для меня – это своеобразный способ вспомнить свои былые переживания.

По ее глазам я видел, что она меня прекрасно понимает.

– Ты ведь знаешь про мою мать?

– Да.

– Знаешь, сегодня, когда врач на сцене объявил, что Виолетта мертва, я невольно вспомнила, как те же слова произнес мой отец о маме. Хотя... Чтобы вспомнить это, мне не требуется никаких театральных предлогов. Я по-прежнему ужасно по ней тоскую.

– А как с этим справился твой отец?

– Да никак. Прошло уже почти пятнадцать лет, а он все еще прячет голову в песок. Иногда мы с ним говорим по душам, но по большей части он весь в работе. Сидит у себя в кабинете, отгородившись от людей.

– И от тебя в том числе?

– Думаю, от меня – в первую очередь.

Я подумал, не слишком ли тяжела для нее эта беседа. Но она вдруг сама разговорилась:

– Я была совсем маленькая и не могла в полной мере оценить ее: она была первой женщиной-редактором «Ла Маттины», была предана делу социальных реформ и очень храбрая.

А этой планке соответствовать нелегко. Но я думаю, мама была бы довольна тем, кем я стала. Точнее, кем пытаюсь стать.

Я не знал, ответить ли какой-нибудь ханжеской банальностью или высказать то, во что я действительно верил – что после смерти родители продолжают жить в душах своих детей.

Сильвия вздохнула и стала молча смотреть на другой берег реки. Я почти физически ощущал ее печаль.

– Эй, – тихонько произнес я после паузы. – Прости. Не надо мне было касаться этого.

– Ничего. Честно говоря, я все еще нуждаюсь в том, чтобы говорить о маме. А новый друг – самый подходящий слушатель.

– Надеюсь, – тихо ответил я. – То есть... я надеюсь, что мы станем друзьями.

Сильвия смутилась. Потом сказала:

– Конечно. Мы ведь уже друзья.

Она тряхнула головой, взглянула на часы и торопливо поднялась.

– Бог мой, ты знаешь, который час? А мне к завтрашнему дню еще две статьи прочесть!

– Какие именно?

– По тифу, – ответила она уже на ходу. И мы двинулись в сторону дома торопливым шагом.

– Ага, – менторским тоном изрек я. – Позвольте вам напомнить, доктор, что это название включает, по сути, три заболевания...

– Да, – моментально отозвалась она, – сыпной тиф, болезнь Брилла – Цинссера и крысиный риккетсиоз.

– Отлично, – похвалил я, кажется, невольно покровительственным тоном.

– Перестань, Мэтью! Ты что, не веришь, что я окончила медицинский?

– Угадала, – беззлобно признался я. – В это действительно верится с трудом.

Светало. Сильвия повернулась ко мне с улыбкой:

– Благодарю за чудесный вечер.

– Да ты что? Это я должен тебя благодарить!

Возникла неловкая пауза. В обычной ситуации мы бы сейчас попрощались и разошлись. Но вместо этого Сильвия робко заметила:

– Я видела, что и тебя спектакль тронул до глубины души. Судя по тому, что ты сегодня рассказывал, можно предположить...

Я не дал ей договорить.

– Да. – Воспоминания до сих пор причиняли мне боль. – Это мой отец. Когда-нибудь расскажу.

Я легонько поцеловал ее в обе щеки и поспешил уединиться, чтобы уйти в мир сновидений.

3

Отца я любил, но и стыдился одновременно. Сколько я себя помнил, его жизнь всегда была похожа на какие-то психологические качели. Он либо оказывался «на вершине мира», либо был этим миром угнетен.

Иными словами, отец или был мертвецки пьян, или мучительно трезв.

И как ни печально, и в том, и в другом состоянии он был недостижим для собственных детей. Я так просто не мог находиться в его обществе. Нет ничего страшнее для ребенка, чем неспособность отца или матери себя контролировать. А Генри Хиллер являл собой крайний пример такого папашки – он бросался от ответственности, не надев парашюта. То есть очертя голову.

Он был адъюнкт-профессором литературы в колледже Катлер Джуниор в городе Диборн, штат Мичиган. Думаю, главной целью своей жизни он выбрал саморазрушение. И весьма в том преуспел. Настолько, что допустил, чтобы коллегам по кафедре стало известно о его проблемах с алкоголем как раз за пару месяцев до того, как он должен был получить постоянную штатную должность.

Этот карьерный выраз они с мамой объяснили моему младшему брату Чазу желанием отца целиком сосредоточиться на писательском труде. Он сказал так: «Многие люди только мечтают создать ту великую книгу, которая есть в каждом из нас. Но требуется настоящее мужество, чтобы отважиться на это без страховочного троса в виде оплачиваемой должности».

Мама, напротив, не стала созывать семейный совет, чтобы объявить, что отныне будет совмещать обязанности хозяйки дома и добытчика.

Поскольку муж «засиживался» допоздна, она поднималась спозаранку, готовила нам завтрак, делала бутерброды в школу, отвозила нас на занятия, после чего сама ехала в клинику, где раньше служила старшей медсестрой. Теперь из-за того, что ей требовался гибкий график, она низвела себя до роли «кочующей» сестры на подменах и выходила то в одно отделение, то в другое – в зависимости от того, где в этот день ощущалась нехватка рук.

Это свидетельствовало о ее разносторонних способностях, а также о большой жизненной стойкости. В обмен на несколько свободных часов в дневное время, которые уходили на то, чтобы развезти нас из школы по многочисленным друзьям, зубным врачам, а самое главное – доставить меня на музыку, она возвращалась в больницу вечером и отработывала еще несколько часов. Увы, сверхурочной работой это не считалось.

Мама заботилась о нас всех, но кто заботился о ней? Она вечно казалась усталой, вокруг глаз залегли глубокие черные тени.

Ни о чем я так не мечтал, как поскорее вырасти и снять с нее часть нагрузки. Чаз поначалу был слишком мал, чтобы понимать, что происходит. И я всеми силами старался оберегать его. Что означало свести до минимума его общение с отцом.

В десять лет я вызвался бросить школу и поискать работу, чтобы частично избавить маму от забот. Она посмеялась. Мама с благодарностью восприняла мой порыв и одновременно была им глубоко тронута. Однако объяснила, что по закону все дети должны учиться по крайней мере до шестнадцати лет. А кроме того, она надеется, что после школы я пойду в колледж.

– Ну тогда хотя бы научи меня готовить ужин! Все-таки тебе полегче станет!

Мама нагнулась и крепко меня обняла.

Меньше чем через год мне было доверено это ответственное дело.

После моего дебюта отец весело похвалил:

– А шеф-повар у нас молодец!
От этих слов меня бросило в дрожь.

Если за ужином отец был «в приподнятом настроении», он принимался пространно допрашивать меня и Чаза о наших делах в школе и общественной работе. Мы оба всячески старались увильнуть. Так мне пришла идея поменяться с отцом ролями и начать расспрашивать его о том, что он написал за прошедший день. Ведь даже если замысел произведения еще не был воплощен на бумаге, он, безусловно, существовал в голове автора – что-то вроде «концепции образов». И отец стал делиться с нами мыслями, которые, по его мнению, заслуживали внимания.

На самом деле через много лет, в колледже, я получил пятерку за сравнительный анализ образов Ахилла и Короля Лира, что фактически было точным воспроизведением одной такой вечерней лекции моего родителя.

Я рад, что мне довелось получить хотя бы поверхностное представление о том, каким вдохновенным педагогом он некогда был. Очень скоро я начал понимать, какой пыткой стал для него добровольный уход от жизни. В то же время, будучи так называемым специалистом по всемирной литературе, он испытывал такое благоговение перед классиками, что практически оставил надежду создать что-нибудь стоящее. А жаль.

Мой брат уже в раннем детстве видел всю нетрадиционность нашего семейного уклада.

– Почему он не ходит на работу, как другие папы?

– Его работа – у него в голове. Неужели не понимаешь?

– Не совсем, – признался Чаз. – Разве головой он что-нибудь зарабатывает?

Этот малявка начинал выводить меня из себя.

– Заткнись и либо займись уроками, либо иди чистить картошку!

– Чего это ты тут раскомандовался? – возмутился Чаз.

– Тебе еще повезло. – Я решил, что нет смысла объяснять, что я чувствую себя виноватым в том, что невольно заменяю ему отца.

Пока на плите что-то тушилось – а скорее всего, размораживалось, – я улучал полчасика, чтобы посидеть за пианино. Вот уж что действительно доставляло мне удовольствие.

Жаль, что в те годы у меня не было времени заняться спортом. Иногда мне не доставало друзей в потных футболках, которые занимали такое большое место в моей жизни в раннем отрочестве. Некоторым утешением, однако, служило то, что к старшим классам я музицировал на всех мероприятиях и практически был единственным парнем, кто мог составить конкуренцию нашим спортсменам в борьбе за лучших девочек.

Фортепиано было моей неприступной крепостью, в которой я безраздельно царствовал как самодержный и единовластный монарх. Это был для меня источник неопишуемой, почти физической радости.

Ужин в нашем доме обычно проходил очень быстро. Да и много ли нужно времени, чтобы проглотить макароны с сыром? С последней ложкой, на ходу похвалив меня, отец обычно исчезал, оставляя сыновей прибираться на кухне.

Перебив посуду, мы с Чазом усаживались за стол, и я помогал ему с математикой.

У него были проблемы в школе, по всей видимости, из-за невнимания и плохого поведения. Его учитель, мистер Портер, как-то отправил родителям записку. Она была перехвачена отцом, который пришел в невероятное возмущение. И решил разобраться лично.

– Чаз, в чем дело?

– Ни в чем, – стал отнекиваться тот. – Он ко мне просто придирается.

– Ага, – промычал отец, – так я и думал! Очередной высокомерный обыватель. Так-так, придется пойти и приструнить его.

Я изо всех сил пытался его отговорить:

– Папа, папа, не нужно!

– Что такое, Мэтью? – вскинул брови отец. – Я, кажется, еще здесь глава семьи. Вот, чтоб ты знал, прямо завтра пойду и познакомлюсь с этим мистером Портером.

Я не на шутку встревожился и, дождавшись маминого возвращения с дежурства, поделился с ней своими опасениями.

– О господи! – простонала она. Было видно, что она дошла до точки. – Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он это сделал!

– Но как мы его остановим?

Она не ответила. Позже, когда я сидел у себя за уроками, вдруг появился Чаз. Он уже был в пижаме. Брат сделал мне знак не шуметь и поманил на лестничную площадку.

На темной площадке мы были как двое моряков на плоту после кораблекрушения. До нас доносилась резкая перепалка родителей.

– Ради всего святого, – в негодовании взывала мама, – не порть ребенку жизнь!

– Черт побери, отец я ему или нет? Этот урод к нему цепляется, а я должен молчать?

– Не уверена, что все обстоит так, как говорит Чаз. В любом случае позволь мне самой разобраться.

– Джоан, я уже сказал, что сам займусь этим вопросом.

– А я считаю, Генри, будет лучше, если им займусь я, – твердо заявила мама.

– Это почему же, хотел бы я знать?

– Пожалуйста, не заставляй меня произносить это вслух.

Повисла тишина. Отец медленно трезвел. Потом в его голосе прозвучала озабоченность:

– Джоан, у тебя усталый вид. Может, присядешь, а я приготовлю тебе выпить?

– Нет!

– Я имел в виду кока-колу... Хоть эту малость я могу для тебя сделать?

– Нет, Генри, это не «малость», – объявила мама, и в ее голосе, в котором мы привыкли слышать заботу и тревогу о нас, теперь прозвучала горечь. – Боюсь, это самое большее, что ты можешь для меня сделать.

Весь дом, каждый его уголок был пропитан одиночеством. Я едва различил в темноте лицо братишки – он смотрел на меня снизу вверх, ища поддержки.

На сей раз я не нашелся, что ему сказать.

4

На другой день нас с Сильвией одолевала зевота. Все утро Франсуа ловил мой взгляд, но я вовремя отводил глаза. Пусть себе делает те выводы, которые ему больше нравятся.

Доктор же Далессандро вновь нацепила свою маску сельской училки, ничем не выдавая происходящих перемен в своей душе.

Мне показалось, она украдкой мне улыбается, но, может, я просто принял желаемое за действительное. Мне не терпелось переговорить с нею с глазу на глаз.

Лектор, приглашенный прочесть специальный цикл лекций по сыпному тифу, профессор Жан-Мишель Готтлиб из знаменитого госпиталя Ля Сальпетриер, был специалистом по так называемым «древним болезням» – таким, которые большинство людей считают давно искорененными. Например, оспа или чума. Или проказа, от которой и в наши дни страдают миллионы африканцев и индийцев.

Кроме того, он неназойливо напомнил нам, что, пока мы ведем свои разговоры в парижском комфорте, на земле регистрируется больше случаев туберкулеза, чем когда-либо в истории.

Если бы у меня еще оставались сомнения относительно работы в «Медсин Интернасьональ», то профессор Готтлиб мог по праву считаться живым аргументом в пользу этого выбора. И очень красноречивым. Я считал себя настоящим врачом, но в жизни не имел дела с черной оспой! В Америке даже самым малообеспеченным больным, получавшим лечение по обязательной государственной страховке, были сделаны прививки. Если не считать малыша нелегальных иммигрантов из Гватемалы, то я и полиомиелита толком не видел.

Декларация Независимости может сколько угодно провозглашать всех людей равными перед богом. Но трагическая правда нашего мира состоит в том, что за пределами развитых индустриальных стран бесчисленное число беднейшего населения планеты лишено элементарного права на охрану здоровья.

Думаю, именно это наполняло меня гордостью за то, что я вознамерился употребить свои умения на пользу «третьему миру». Мы будем не только лечить людей от болезней, от которых погибали их соплеменники, лишенные медицинской помощи, но сможем творить чудеса посредством профилактической медицины благодаря вакцинам, изобретенным учеными разных стран – от Эдуарда Дженнера, создавшего прививку от оспы в конце восемнадцатого века, до Джонаса Солка – «отца» вакцины от полиомиелита в двадцатом столетии.

Во время нашего, как никогда краткого, обеденного перерыва мы с Сильвией не стали вместе с остальными протискиваться к Готтлибу в стремлении выжать из него все до последней капли.

– Ну, как лекция? Нравится? – спросил я.

– Очень, – улыбнулась Сильвия. – Мне вообще-то повезло: вчерашний вечер я провела в обществе одного молодого доктора, который знаком со всеми новейшими публикациями о тифе.

Я хотел спросить о ее планах на этот вечер, но тут Франсуа стукнул указкой об пол и объявил о продолжении занятий.

Таким образом, мне пришлось весь день терпеливо выслушивать лекцию о всяких экзотических бациллах и не знать своей дальнейшей судьбы.

Ровно в пять часов профессор Готтлиб завершил лекцию и пожелал нам всем удачи.

Я стал собирать свои записи, и тут ко мне подошла Сильвия. Она как бы между прочим положила мне руку на плечо и спросила:

– Ты мне сегодня поиграешь? Обещаю, что после этого мы позанимаемся.

– При одном условии, – предупредил я, – в промежутке я свою тебя на ужин.

– Это не условие, это удовольствие. Когда встречаемся?

– В семь часов в вестибюле отеля.

– Отлично. Как мне одеться?

– Во что-нибудь красивое, – нашелся я. – До встречи.

Она помахала мне рукой и нырнула в толпу воздыхателей, чтобы в сопровождении своей свиты проследовать домой.

Когда мы встретились вечером, я не сразу понял, что, собственно, она изменила в своем одеянии. При ближайшем рассмотрении я заметил, что джинсы на ней были не синие, а черные, маечка – без логотипа и несколько более обтягивающая, чем всегда. А кроме того, она была при драгоценностях – тоже на свой лад: на ней было небольшое жемчужное ожерелье.

Моя «элегантность» была подчеркнута только что купленным в «Галери Лафайетт» голубым свитером.

Расцеловав меня в обе щеки, она немедленно спросила, не забыл ли я о домашнем задании. В ответ я показал на свою дорожную сумку, давая понять, что у меня в ней не белье для прачечной.

Выходя на улицу, она небрежно бросила:

– Я договорилась в отеле «Лютеция».

– Прошу прощения, – возмутился я, желая отстоять свою независимость, – но я зарезервировал нам столик в «Ле Пти Зэнк». Я же тебе говорил, это...

– Мэтью, одно другого не исключает. С отелем я договорилась только относительно рояля.

Как? Самое элегантное заведение во всей округе! Я не знал, чувствовать ли себя польщенным или негодовать. Поэтому решил не спешить с выводами и, взяв Сильвию под руку, зашагал к бульвару Распай.

Однако к тому моменту, как мы вошли в роскошное фойе отеля, мне уже сделалось не по себе. А войдя в гигантский танцевальный зал с высоченными потолками и множеством зеркал на стенах, я и вовсе был раздавлен. В дальнем конце зала стоял царственный рояль с поднятой крышкой.

– Ты и публику заказала? – попытался я пошутить.

– Не глупи. Я и этот зал не «заказывала».

– То есть мы здесь незаконно?

– Отнюдь. Я всего лишь позвонила менеджеру отеля и очень вежливо попросила у него разрешения прийти поиграть. Стоило ему услышать, кто ты такой, как он моментально согласился.

– А кто я такой?

– Талантливый пианист, который по контракту с «Медсин Интернасьональ» скоро уедет в такую глушь, что будет за тысячи миль до ближайшего инструмента. Он был потрясен твоим самопожертвованием.

Мое настроение сменилось с минорного на мажорное. И я понял, что мне оказана большая честь. Мне вдруг захотелось извлечь из этого инструмента все, на что он годен. И на что годен я.

Рядом на столике была приготовлена бутылка белого вина и два бокала.

– Тоже твоих рук дело? – спросил я.

Она покачала головой и заметила:

– Там, кажется, карточка приложена.

Я открыл конверт и прочел:

«Милые медики!»

Желаю вам приятного музыкального вечера. Знайте, что люди всегда и везде восхищаются вашим стремлением нести добро несчастным мира сего.

Счастливой поездки вам обоим.

Луи Берджерон, менеджер».

– Сильвия, что ты ему наговорила? Что я – Альберт Швейцер?

Она рассмеялась.

– А почему ты думаешь, что ты хуже?

– Сейчас узнаешь.

Я сел и пробежал пальцами по клавиатуре. Звук вроде неплохой.

– Ого! – оценил я. – Только что настроили!

Моя единственная слушательница удобно устроилась в кресле, и я стал играть. Для начала я выбрал Прелюдию Баха № 21 си-бемоль-минор, внешне совсем несложную вещь. Это хорошая пьеса, чтобы разогреть пальцы и не навредить. На протяжении всей вещи, за исключением четырех тактов, никаких аккордов, только одна нота для каждой руки. Но насколько это выверенная нота!

Сначала, тронув клавиши, я ощутил душевный трепет. Я почти три недели не играл серьезно и сейчас испытывал томительное нетерпение воссоединиться с музыкой. Я и не подозревал до этого момента, какое большое место она занимает в моей жизни.

По мере того как я переходил от одной пьесы к другой, я все больше отдалялся от своего физического местонахождения и сливался с самой музыкой.

Никакой программы заранее я не продумывал. Просто дал рукам слушаться веления сердца. А в тот момент моя душа пожелала до-минорной Сонаты Моцарта, соч. 457 по каталогу Кёзеля. С ощущением аллегро мольто не только в музыке, но и в душе я с чувством заиграл октавы, решительно задающие настрой всей пьесе.

Я был настолько загипнотизирован музыкой, что совершенно забыл о Сильвии. Я все меньше ощущал себя исполнителем и все больше – слушателем, внимающим чьей-то игре.

Сонату легко можно было принять за бетховенскую – мощную, выразительную, исполненную неизбывного страдания.

К середине медленной части я уже совершенно отрезился от реальности и ощущал себя космическим кораблем, плывущим где-то посреди Галактики.

Сколько времени прошло, я не знал, но постепенно начал приходить в себя и осознавать, где я и что я. Музыка снова была мне подвластна, и последние несколько тактов я сыграл с особым чувством. Затем в эмоциональном изнеможении уронил голову на грудь.

Не знаю, как Сильвия, а я чувствовал себя превосходно.

Она не издала ни звука. Только подошла ко мне, обхватила мое лицо ладонями и поцеловала в лоб.

Через несколько минут мы уже шагали в сторону ресторана. Бульвар Сен-Мишель успел погрузиться во тьму, и из кафе и бистро на улицу прорывался смех, эта самая человеческая из всех видов музыки. А Сильвия до сих пор не сказала ни слова о моей игре.

Из выставленных внизу морских тварей мы заказали себе ужин, после чего поднялись наверх, где официант открыл нам бутылку фирменного красного. Сильвия взяла в руки бокал, но пить не спешила. Она была задумчива. Наконец она смущенно начала:

– Мэтью, не знаю, как это лучше сказать. Понимаешь, я родилась в мире, где все продается и все покупается. – Она помолчала, потом нагнулась ближе ко мне и с жаром закончила: – Нельзя купить только то, что ты мне сегодня подарил.

Я растерялся.

– Ты играешь, как бог. Ты мог бы стать профессиональным музыкантом.

– Нет, – поправил я. – Я – любитель в полном смысле слова.

– Но ведь мог бы!

Я развел руками.

– Может, да, а может, нет. Проблема в том, что невозможно играть Баха туберкулезному ребенку, прежде чем его вылечишь. Он его просто не услышит! Поэтому-то мы и едем в Эритрею. Ты согласна?

– Конечно, – с легкой заминкой согласилась она. – Я только подумала... Мне кажется, у тебя могло бы быть такое будущее!

Я вдруг понял, что ее тревожат собственные сомнения относительно столь значительного жизненного решения. Скорее всего, сомнения вполне объяснимые. Ведь она отправлялась в одно из немногих мест на земле, где о продукции «ФАМА» никто и слыхом не слыхал.

Было уже одиннадцать, когда мы наконец приступили к делу. Мы оккупировали столик в «Кафе де Флор», заказали по чашке кофе и принялись штудировать раздел учебника о болезнях, которые должны были стать темой наших завтрашних занятий.

Как и следовало ожидать, Франсуа, вечно восседавший в отдельной кабинке где-нибудь в уголке, подошел полюбопытствовать, чем мы заняты.

Взглянув на наши конспекты, он повернулся ко мне с шутливым упреком:

– Мэтью, ты меня разочаровал.

– О чем это ты? – К этому времени мы уже все перешли друг с другом на «ты», включая шефа.

– Ну просто, если бы я был в обществе такого прелестного существа, как синьорина Далессандро, я бы не стал тратить время на эпидемиологию.

– Скройся, Франсуа, – ответила Сильвия с таким же деланным негодованием.

И он скрылся.

Почти два часа мы штудировали завтрашний сложный материал, изобиловавший статистикой.

Наконец Сильвия объявила, что мы готовы.

– Может, закажем по чашке кофе без кофеина на сон грядущий?

– Конечно, почему бы нет. Тем более, если ты хочешь.

Вечер выдался длинный. Волнующий, но утомительный. Я не мог дожидаться, когда наконец упаду на подушку.

– Мне одна мысль пришла в голову, – произнесла Сильвия, когда мы складывали книги. – Директор нашего японского филиала только что прислал моему отцу крошечный магнитофон. Новая модель. Что, если тебе записать несколько кассет? Мы их возьмем в Африку и будем там слушать.

– У меня есть идея получше, – возразил я. – Поскольку нам не на что тратить деньги, мы можем купить записи каких-нибудь настоящих исполнителей, например, Ашкенази или Даниэля Баренбойма...

– Я предпочитаю тебя, – не унималась Сильвия.

– Пора отвыкать, – посоветовал я.

Мы вышли из кафе и медленно зашагали к отелю.

– С чего у тебя все началось? – спросила она. – Я имею в виду музыку.

– Ты хочешь услышать длинную или короткую версию?

– Я никуда не спешу. Хочешь, я покажу тебе хлебопекарню, и мы там купим себе по багету на завтрак? – Она улыбнулась.

В детстве меня часто посещала одна и та же фантазия: отец приходит к нам в школу на традиционный семейный спортивный праздник и побеждает всех других пап в стометровке.

Само собой, это было из области нереального, поскольку в такие дни он всегда оказывался «не в духе».

Иногда отец все же объявлялся, но садился в сторонке, как погруженный в свои мысли наблюдатель, и украдкой потягивал виски из фляжки. Так что я никогда не видел, чтобы он проявлял какую-то активность в физическом плане, пока в то утро он не появился у входа в школу. Я понял, что он направляется к мистеру Портеру, преподававшего математику у моего брата.

Я старался сосредоточиться на игре в баскетбол (она шла на половине площадки), и вдруг Томми Стедман как закричит: «Ну, Хиллер, твой отец и дает!»

В первый момент меня почему-то охватил минутный и ни на чем не основанный восторг. Мне ни разу не доводилось испытывать гордости за отца. К несчастью, радость так же быстро сменилась стыдом. Ведь восторженный возглас Томми был вызван не чем иным, как ловким хуком, который отец нанес мистеру Портеру. От удара математик потерял равновесие, и отец повалил его на землю.

Не успел я подбежать на помощь учителю, как он уже опять был на ногах и сердито грозил отцу пальцем.

– Ты еще об этом пожалеешь, пьяный дурак! – громко крикнул он и поспешил войти в здание.

Отец остался стоять на улице. Он часто дышал, а на лице его расплылась обычная торжествующая ухмылка. Он заметил меня и окликнул:

– Привет, Мэтью. Видел, как я этого верзилу уложил?

Сердце у меня упало. Никогда еще я не испытывал подобного унижения. Мне захотелось распастись на отдельные капельки и просочиться в песок.

– Пап, ты это зачем сделал? Мама же тебя просила... – Тут я одернул себя. – Чазу только хуже будет.

Он присвистнул.

– Извини, сынок. Но не мог же я позволить, чтобы этот неандерталец преследовал твоего брата. Думаю, ты можешь мной гордиться. Идем, свожу вас пообедать.

– Не получится, пап. У нас еще четыре урока. Ты лучше иди домой.

Я видел, что он не уйдет, если я не возьму инициативу в свои руки, поэтому крепко ухватил его за рукав и довел до ворот. Спину мне жгли огнем пристальные взгляды одноклассников, но я не смел обернуться.

К несчастью, от ворот я краем глаза все-таки увидел ребят. Они все стояли и смотрели на меня и отца, храня многозначительное молчание.

От этого мне сделалось еще хуже. Я понимал, что насмешек не избежать, и в ужасе приготовился выслушать их, пусть не сейчас, а в другой раз.

Я двинулся назад, к одноклассникам, глядя только себе под ноги.

– Мэтью, с тобой все в порядке?

Я поднял глаза и с изумлением увидел мистера Портера. Никакой враждебности я в его лице не заметил.

– Да, сэр. Все в порядке.

– И часто с ним такое?

Я не знал, что ответить. Усугубить позор признанием, что отец хронический алкоголик? Или попытаться сохранить толику достоинства?

– Время от времени, – туманно ответил я и не спеша направился к Томми Стедману. – Эй, мы играем или нет?

– Играем, играем, Хиллер.

Как ни парадоксально, но больнее всего в этом, как ни крути, болезненном эпизоде было то, что мои друзья повели себя так благородно. Это мучило меня во сто крат сильнее.

Слава богу, отец больше не предпринимал таких донкихотских вылазок во внешний мир. Он засел дома, «работая над книгой» и громко возмущаясь несправедливостью мироустройства.

Тот эпизод заставил меня со всей остротой почувствовать, что судьба ко мне не очень-то расположена. Но я несколько утешился вечером, когда отыгрался на Чазе.

Он, к счастью, быстро вырослел и вскоре уже был в состоянии убираться со мной по очереди. После этого он обычно удалялся к себе и учил уроки. Я оставался один и мог сесть за пианино. Играть я мог часами напролет, давая выход своей злости и демонстрируя самодисциплину, которой так недоставало моему отцу.

К старшим классам я уже был настолько загружен, что не имел возможности сидеть и выслушивать его, теперь уже ворчливые, лекции. А однажды он и вовсе перешел все границы.

Как-то поздним вечером я потел над «Фантазией-экспромтом» Шопена, как вдруг в дверях появился пошатывающийся отец и рывкнул:

– Я пытаюсь работать! Обязательно нужно играть так громко?

Я на секунду опешил, вспомнив, что наверху корпит над учебниками Чаз, однако не ропщет на громкую музыку. Я посмотрел отцу прямо в глаза и со злостью, но не повышая голоса, огрызнулся:

– Да.

После чего повернулся к инструменту.

С того момента отец перестал для меня существовать навсегда.

Я немного помолчал, потом тихо сказал:

– А вскоре он наложил на себя руки.

Сильвия крепко сжала мне руку.

– Он сроду никуда не ездил, но в гараже у него стояла машина. Иногда он выходил, садился за руль и, наверное, воображал, как мчится по дороге в какие-то дивные края. И вот однажды он надел на выхлопную трубу шланг... Я воспринял это как его окончательный отказ контактировать с миром.

Я взглянул на Сильвию. Она не могла найти слов.

– Вообще-то я редко об этом рассказываю...

– Конечно, – она меня поняла. – Об этом и не нужно часто говорить. Это всегда с тобой, за тонкой дымкой воспоминаний, так и ждет, чтобы выйти наружу, когда ты меньше всего ожидаешь.

Она меня понимала, эта девушка. На самом деле понимала.

Остаток пути мы прошли в полном молчании.

Дойдя до отеля, она тихонько меня поцеловала, снова сжала мою руку и ускользнула.

Была глубокая ночь, самое ненавистное для меня время суток. Но сейчас мне было не так одиноко, как всегда.

5

Как ни странно это звучит, но смерть отца принесла нам своего рода освобождение, хотя в нашей жизни наступил сложный период.

Смотреть на него было все равно что следить за человеком, балансирующим на канате над Ниагарским водопадом. Хотя окончательно отец сломался не сразу, можно сказать, что судьба его фактически была предрешена, едва он стал опускаться. И его кончина стала для меня всего лишь разочарованием.

Надо отдать должное священнику: он не стал говорить приторных надгробных речей. Не было нелепых слов о замечательном человеке, трагически вырванном из жизни в расцвете лет.

Пастор в нескольких коротких фразах выразил нашу общую надежду на то, что мятущаяся душа Генри Хиллера наконец обретет покой. И этим ограничился.

Как ни странно, слова горькой правды принесли мне куда большее утешение, чем могли бы принести какие-нибудь лицемерные мифы, доведись их выслушивать.

Неудивительно, что в нашей жизни со смертью отца мало что изменилось. Он просто исчез с ее периферии, а мы продолжали существовать как неполная семья, в которую превратились еще задолго до его смерти.

Что для меня действительно переменилось, так это темп жизни. Как раз в этот момент я был отобран представлять нашу школу на конкурсе молодых пианистов штата и занял там второе место.

Год назад я бы прыгал от радости, что меня вообще послали. Теперь же был разочарован тем, что получил вторую премию, а не первую.

В автобусе по дороге домой мой учитель мистер Адам утешал меня, говоря, что обладательница первого места Мариза Гринфилд «переиграла» меня не исполнением, а умением эффектно держаться на сцене.

— Она держалась с видом триумфатора, выглядела уверенно и одухотворенно и целиком отдавалась музыке.

— Но ведь то же самое можно сказать и обо мне!

— Знаю, знаю. Но она сумела создать себе в глазах жюри образ загадочной личности, в то время как ты оставался все тем же честным перед собой, открытым парнем. Но играл ты безупречно! Если бы конкурсанты выступали за ширмой, первая премия была бы твоя, это точно.

Вообще-то эта Мариза потом подошла ко мне на банкете по случаю окончания конкурса и предложила выступить вместе на концерте фортепианных дуэтов. Я был польщен, и, наверное, мне надо было согласиться. Но у меня в планах было поступление в школу медицины, предстояло одолеть несколько курсов по естественнонаучным дисциплинам, не говоря уже о вступительных экзаменах как таковых.

И все же мы обменялись телефонами и пообещали друг другу не теряться. Один раз она мне даже звонила, но я в тот день выступал на вечере в школе (шлифовал свой сценический образ). Я так и не собрался ей перезвонить.

После двух часов прослушивания музыкальный факультет Мичиганского университета предложил мне полную стипендию. Я был на седьмом небе от счастья и домой, кажется, летел на крыльях. Но по-настоящему радость дошла до меня только тогда, когда я поделился ею с мамой и братом.

На семейном торжестве я сказал маме, чтобы она взяла все деньги, которые с таким трудом откладывала мне на образование, и купила себе новую машину. Старая уже давно требовала замены. Но мама возразила, что я не должен страдать из-за моего же успеха,

и настояла, чтобы я купил себе что-то такое, что действительно доставит мне удовольствие. Выбор был очевиден – поддержанное пианино. В одну из моих разведывательных поездок в Анн Арбор, где мне предстояло учиться, я набрел на необычайно симпатичную даму, которая не только была готова сдать комнату, но и разбиралась в классической музыке. Она согласилась пустить меня вдвоем с инструментом. («Мэтью, я делаю вам большое одолжение, так что, пожалуйста, никаких рок-н-роллов!»)

Естественно, чем ближе был момент расставания с домом, тем больше меня одолевали смешанные чувства. В глубине души мне было неловко, что я бросаю маму с Чазом. Одновременно я и сам боялся остаться без них.

Следующие четыре года прошли для меня крайне насыщенно.

Надо сказать, что науки, которые требуется осилить, прежде чем поступить на медицинский, несомненно, призваны разрушать душу. Однако моя душа была крепко защищена музыкой. Мои интересы теперь простирались далеко за пределы фортепиано, я стал изучать оркестр с его поистине неограниченными возможностями. Кроме того, я влюбился в оперу и в качестве иностранного языка взял итальянский. Теперь я мог не просто слушать «Свадьбу Фигаро» и видеть, как искусство либреттиста и композитора взаимно дополняют друг друга. Моцарт и сам по себе был велик. Но Моцарт в паре с да Понте рождает божественное пиришество чувств.

Течение моей жизни изменилось кардинально.

Сколько себя помнил, я всегда был занят тем, что мучительно продирался через лабиринт, выстроенный из тяжелого труда и повседневных забот. Теперь я наконец оказался на залитой солнцем равнине, простиравшейся до самого горизонта. Синего и безоблачного. Я даже обнаружил, что это новое, непривычное для меня состояние имеет название: счастье.

Выступая в качестве солиста с различными камерными ансамблями и оркестрами, я вскоре превратился в университетскую знаменитость. Это дало мне новую уверенность в себе, и я больше не робел при знакомстве с другими студентами, в том числе писаными красавцами и интеллектуалами.

Однако главным событием первого курса для меня стала встреча с Эви.

Это была хорошенькая и славная девушка, розовощекая, с коротко стриженными каштановыми волосами, заразительной улыбкой и большими карими глазами, лучащимися оптимизмом. Но самое важное заключалось в том, что Эви была талантливая виолончелистка.

С раннего детства – которое прошло в Эймсе, штат Айова – она стремилась подражать своему кумиру, Жаклин Дю Пре. И теперь мы с ней повсюду искали пластинки с записями Джеки в дуэте с ее мужем-пианистом Даниэлем Баренбоймом. Мы слушали эти записи до бесконечности, пока не стирались желобки на пластинках.

Хотя мы почти все дневное время проводили вместе, Эви не была для меня подругой в романтическом смысле. Мы просто видели друг в друге те качества, которые считали неотъемлемыми для лучшего друга.

Когда мы познакомились, она уже училась на втором курсе. И поначалу я заподозрил, что за ее дружеским расположением к зеленому первокурснику кроются подспудные мотивы: виолончелистам вечно требуется аккомпаниатор, а я умею играть с листа.

Думаю, в то время мы еще не до конца ценили уникальность наших отношений. Они начинались с Моцарта и Баха, а заканчивались всем миром. Наверное, это была подлинная гармония взаимопонимания.

Мы веряли друг другу тайны, которых не доверили бы никому другому. Не только рассказывали о своих романах, но и делились самым сокровенным. Например, сомнениями о том, чему посвятить свою жизнь.

Мистер и миссис Уэбстер очень не хотели, чтобы дочь становилась профессиональным музыкантом. Они искренне полагали, что эта профессия несовместима с замужеством, которое каждая девушка должна почитать для себя главной целью в жизни.

Поступи она так, как хотели мама с папой, Эви бы пошла в местный педагогический колледж, возможно, несколько лет проучительствовала бы в средней школе, после чего устроила бы свое счастье с каким-нибудь парнем, вернувшимся в родной Эймс с университетским дипломом.

– Неужели они не понимают, что для тебя значит музыка? – недоумевал я.

Она неохотно распространялась на эту тему.

– Мама у меня хороший человек, но она искренне убеждена, что мои музыкальные «потребности» с лихвой можно удовлетворить участием в воскресном хоре и исполнением генделевского «Мессии» на Рождество.

– Откуда же у тебя страсть к виолончели?

– От тети Лили, маминой сестры. Она училась в Италии, какое-то время в составе трио гастролировала по Европе, а здесь до конца дней занималась преподаванием. Она никогда не была замужем. С пяти лет брала меня на все концерты, куда можно было добраться на машине, – иногда это занимало целый день, как, скажем, в Де-Муанс. Должна признаться, что мое восхищение виртуозами типа Рубинштейна или Хейфеца отчасти основано на том, что они не ленились тащиться сквозь пургу и метель, чтобы выступить перед нами, провинциалами. Когда Лили умерла, она оставила мне свою виолончель и некоторую сумму. Это называлось «на дальнейшее музыкальное образование Эви».

– Красивая история. Первого ребенка ты должна назвать в ее честь.

– И назову, – улыбнулась Эви. – Но только если это будет девочка!

Конечно, наше общение не ограничивалось высокими материями. Мы ведь виделись изо дня в день, а значит, неизбежно обсуждали и вполне обыденные вещи, такие, как курсовые работы, футбольные матчи или приближающийся фестиваль фильмов Жана Кокто.

Однако Эви частенько приходилось разубеждать своих парней относительно характера наших с ней отношений. Кое-кто ей так и не поверил, даже после того как она устроила мне свидания с парой своих самых симпатичных подружек. Но я был слишком заморожен своей музыкой – и новообретенной свободой, – чтобы завязывать длительные отношения с девушками.

Еще были долгие субботние вечера, когда мы с Эви, как двое истовых монахов, отринув земные наслаждения своих товарищей – пиво или боулинг, – запирались в созданном своими руками мире и работали над какой-нибудь новой пьесой.

Самыми «страстными» моментами тех лет для меня были эти совместные репетиции с Эви. Мы отдавали им столько времени, что, кажется, освоили все основные произведения, написанные для наших двух инструментов. Я обожал ее привычку машинально облизывать нижнюю губу, отрабатывая какой-нибудь особенно сложный пассаж. Мы могли провести целый час и даже больше, не обмолвившись ни словом. Когда играешь с человеком, которого хорошо знаешь, общение происходит на инстинктивном уровне – слишком глубинном, чтобы облекать его в слова. Именно совместный опыт музицирования еще больше сблизил нас.

Конечно, мы оказывали друг другу не только творческую, но и моральную поддержку. Тут мне приходит на память один случай, когда я аккомпанировал Эви в «Сицилийской сюите» Габриэля Форе, которую она выбрала на последнем курсе для выпускного экзамена. Я достаточно твердо знал свою партию, чтобы периодически поглядывать на членов комиссии, и видел, что ее игра производит благоприятное впечатление.

Как я и предсказывал, Эви заслужила высший балл – а я заслужил от нее самые долгие и нежные объятия. На другое утро мой свитер все еще хранил запах ее духов.

Век буду благодарен ей за то, что была рядом в момент моего глубочайшего душевного кризиса: меня все больше мучил вопрос самоопределения, ибо с каждым семестром я все ближе подходил к неизбежной развилке.

Какой дорогой пойти?

Факультет никак не облегчал мне принятия решения. Со стороны педагогов это было какое-то перетягивание каната – меня тянули то в сторону музыки, то в сторону медицины. Я физически ощущал, как рвусь на части.

Эви была единственным человеком, с кем я мог об этом говорить. Она не подталкивала меня ни в ту, ни в другую сторону, зато укрепляла мою уверенность в себе, чтобы я мог сам сделать свой выбор.

– Ты вполне можешь стать профессиональным музыкантом, – заверяла она. – В тебе есть божественная искра, которая составляет разницу между техничным исполнителем и подлинным виртуозом. Да ты и сам это знаешь, Мэт, ведь так?

Я кивнул. Нет вопроса: музыку я бросать не хотел. До конца дней. Но в глубине души я не представлял себе жизни без того, чтобы тем или иным способом помогать другим людям, отдавать что-то взамен того, что даровано мне свыше. Должно быть, это стремление перешло ко мне от мамы.

Эви и это понимала и всеми силами старалась не влиять на меня ни в ту, ни в другую сторону. Она просто сидела и сочувственно выслушивала мои бесконечные споры с самим собой.

** * **

То лето было для меня решающим.

Пока Эви находилась на Аспенском фестивале, где посещала мастер-класс Роджера Джозефсона, я вкалывал санитаром в университетской больнице.

Помню, как-то вечером, когда я дежурил в детском отделении, одна девочка не переставая хныкала. Я сказал об этом сестрам, но те заверили, что ей уже вкололи столько обезболивающего, что она не может чувствовать никакой боли.

Тем не менее, сменившись, я подошел к ее кровати, присел и взял малышку за руку. И она вдруг успокоилась.

Я просидел у ее постели, пока не рассвело. Девочка, по-видимому, поняла, что я все время был рядом с ней, потому что, очнувшись, она слабо улыбнулась и сказала: «Спасибо, доктор».

Я позвонил Эви и объявил, что решение принято.

– Мэтью, как я рада!

– Тому, что я иду в медицину?

– Нет, – нежно произнесла она. – Тому, что ты наконец решился.

А уж я-то как был рад!

В середине последнего курса Эви получила счастливое известие, что ходатайство за нее Джозефсона возымело действие и ей выделена стипендия в Джульярдской школе в Нью-Йорке.

Она умоляла меня подать документы на медицинский в Нью-Йорке, чтобы мы могли и дальше играть вместе. Затея показалась мне заманчивой, несмотря даже на то, что Чазз приняли в Мичиганский университет и уже осенью он должен был поселиться в нашем студенческом кампусе.

Как бы то ни было, я сходил к куратору по медицине, взял пачку буклетов про медицинские школы университетов Нью-Йорка и стал их изучать.

И вот настал момент отъезда Эви. Думаю, большинство закадычных друзей закатились бы куда-нибудь на прощальный ужин. Однако у нас имелись собственные представления

о том, как провести последний вечер. Мы спустились в свою любимую репетиционную и пробыли там с шести вечера почти до полуночи, пока нас не пришел выгонять вахтер по имени Рон. Выслушав объяснения по поводу нашего особого случая, он разрешил нам закончить пьесу, которую мы в тот момент играли, пока он запирает остальные помещения.

И в завершение мы сыграли сонату Сезара Франка, которую недавно записали на пластинку Жаклин Дю Пре и Даниэль Баренбойм.

Музыка была исполнена печали и тоски, и мы оба играли с таким чувством, какого никогда не было во всех наших предыдущих исполнениях.

* * *

На другое утро я отвез Эви в аэропорт. Мы обнялись, а потом она исчезла. Домой я ехал в осиротевшем автомобиле.

В сентябре в Анн Арбор приехал мой талантливый брат. Он очень вырос и был готов к самостоятельной жизни.

Естественно, его представление об этой самой жизни было в большой степени обусловлено душевными терзаниями нашего детства. Создавалось такое впечатление, что Чаз торопится поскорее обзавестись семьей и обрести некую душевную стабильность.

В подтверждение, еще даже не выбрав себе специализацию, он завел постоянную подружку.

Не прошло и нескольких месяцев, как они с Эллен Моррис, его веснушчатой однокурсницей-гитаристкой, счастливо зажили под одной крышей. Это была квартира на верхнем этаже дома на две семьи в Плейнфилде, в двадцати пяти минутах езды от университета на автобусе.

Я тем временем был с головой погружен в дипломную работу по музыке и одновременно проридился сквозь дебри органической химии – для меня это был своего рода аналог сильной зубной боли.

По несколько раз в неделю мы с Эви созванивались. Это происходило по вечерам, обычно в одиннадцать, когда оплата производится по льготному тарифу. Звонки, разумеется, не могли компенсировать нам живого общения и уж, конечно, не шли ни в какое сравнение с совместным музицированием. Тем не менее мне доставляло удовольствие выслушивать ее суждения по самым разным вопросам – от моих девишек до дипломной работы. Эви больше интересовало последнее. Она даже считала мой диплом достойным публикации.

Я писал об одном-единственном, самом плодотворном годе в творчестве Верди, когда были созданы его вдохновенные оперы «Трубадур» и «Травиата». Я усматривал в них схожесть стиля и прослеживал эволюцию, какую претерпело мастерство великого композитора в оркестровке. Это было все равно что проникать в глубины его сознания. Оба рецензента, по-видимому, разделили мнение Эви – работа была оценена на «пять с плюсом».

На День благодарения нас с Чазом приехала навестить мама. Не одна, а с сюрпризом. Сюрпризом был некий Малкольм Хэрн, доктор медицины. Я давно заподозрил, что в маминей личной жизни кто-то появился, и оказался прав.

Малкольм был хирург. Разведенный, с двумя взрослыми детьми. Он не только произвел на нас впечатление душевного и солидного человека, не лишнего чувства юмора (и противоположного отцу взгляда на мир), но оказался еще и причастен к музыке. У него был оперный тенор, причем самый настоящий – Малкольм мог чисто и без перехода на фальцет взять верхнее до. Одного этого было достаточно, чтобы сделать его желанным гостем на любом певческом мероприятии. Малкольм был звездой больничного мужского квартета. Слушая его высо-

кую партию в «Не будь такой бессердечной», самые отъявленные скептики таяли. Но самое главное, он, похоже, действительно любил маму, а значит, у нее появлялась новая надежда обрести свое счастье.

* * *

Эви обрадовалась, когда я рассказал ей о Малкольме. («Хирург, хороший мужик, да еще и верхнее до? Даже не верится!»)

Я сказал, что она может сама в этом убедиться, когда познакомится с ним на Рождество.

– Ой, Мэтью, я никак не решалась тебе сказать. Боюсь, я не смогу приехать. Мы с Роджером...

– Роджером? – Я вдруг взревновал ее. – Ты говоришь о маэстро Джозефсоне?

– Ну да. Собственно, он и подходил к телефону.

– Вот тебе на! – вдруг смутился я. – Что ж ты не сказала, что я не вовремя...

– Ты не бываешь «не вовремя». А кроме того, я ему все про нас с тобой рассказала. Послушай, поехали с нами в Шугарбуш на недельку! На лыжах катаемся...

– Черт, как жаль! Я не смогу. У меня работы выше головы. Боюсь, и домой-то не выберусь. Ну, да ладно. Счастливого Рождества!

Я повесил трубку, чувствуя себя полным идиотом. Я поздравил Эви с праздником аж за месяц.

На медицинский я поступил в Анн Арборе. Это давало мне возможность регулярно видеться с Чазом и Эллен даже после того, как они официально оформили свой брак. Она уже начала работать в школе, а он получил место стажера в ассоциации медицинского страхования «Голубой крест».

В тот год случилась эпидемия свадеб. В августе Эви с Роджером связали себя узами брака в Тэнглвуде, где он играл Дворжаса с оркестром знаменитого Зубина Меты. Хорошо, что я приехал на два дня раньше: пока Роджер был на мальчишнике, с Эви случился приступ неуверенности. («Понимаешь, Мэт, он такой знаменитый! И такой взрослый! Зачем ему девчонка вроде меня?»)

Мне удалось убедить Эви, что такой умный человек, как Роджер, не может не разглядеть в ней незаурядную личность. И вообще, кто бы на ней ни женился, должен считать себя самым везучим человеком на земле. К тому моменту, как в воздух полетели пробки от шампанского, от ее сомнений не осталось и следа.

Что до меня, то лучшей частью свадьбы Эви стал концерт, который дали в честь новобрачных гости по завершении официальной церемонии. Кажется, я «живьем» услышал полонину своей коллекции грамзаписей.

Я вернулся домой и с головой погрузился в мир медицины. Осенью того же года Эви ушла из консерватории, чтобы сопровождать Роджера на гастролях, и постепенно наши дороги разошлись.

С Чазом мы продолжали регулярно видеться по воскресеньям, даже после того как он стал полноправным мужем. Программа у нас всегда была одна и та же: пиво и мужской разговор.

Чаз не утратил своей способности задавать щекотливые вопросы.

– Не жалеешь, что не женился на Эви? Шансы у тебя были! – с обезоруживающей наивностью спросил он.

– У нас ничего бы не вышло. Мы с ней были как брат с сестрой.

– Тогда почему ты ходишь такой убитый?

– Я не убитый, Чаз. Я просто нервничаю из-за собеседования для Африки.

– Африки? – Он очень удивился. – Ах, ну да, небось решил поступить в Иностраннный легион, чтобы ее забыть.

– Прекрати! – оборвал его я. И признался, что подал заявку на работу в «Медсин Интернациональ», организацию, занимающуюся устройством полевых госпиталей в горячих точках «третьего мира», чтобы лечить жертв нищеты и политики.

– Ого! Это в твоём репертуаре, ты у нас альтруист известный. А там не опасно?

– Зависит от того, куда пошлют. Я рассчитываю попасть в Эритрею. Там идет гражданская война. Но, как мне говорили, у обеих сторон хватает ума не стрелять во врачей.

– Ага, только не забудь нацепить на себя бирку, что ты доктор, – рассмеялся Чаз. Но я видел, что он не на шутку встревожен. – А когда будет известен результат?

– На следующей неделе, после собеседования. В Париже.

– Я так понимаю, ты дошел уже до финального собеседования, а родному брату сказать не удосужился?

– Я подумал, вдруг провалюсь? Тогда зачем зря трепаться...

– Брось, Мэт. Ты никогда не проваливаешься.

– Что ж, – улыбнулся я, – стало быть, все еще впереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.